

И. А. Манкевич

Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны

*Веселая царица
Была Елизавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.
А. К. Толстой*

Празднично-развлекательная культура не имеет своей собственной истории и судьбы. Она идет следом за историей больших и малых событий времени, отражая в своих «зеркала» исторические судьбы идей, людей и вещей, породивших ее. Как явления духовной жизни праздники и развлечения отражают этические и эстетические идеалы общества – ценностные ориентации и верования, мироощущения и убеждения, художественные потребности и вкусы.

В современном «праздниковедении» понятие «праздник» традиционно трактуется как оппозиция понятию «повседневность», имеющему, в свою очередь, такие смысловые оттенки, как повторяющийся, рядовой, рутинный, деловой, трудовой, привычный и тому подобные свойства обыденной жизни [11, с. 122, 134]. «Праздник», таким образом, – род досуга, перерыв в повседневности, предполагающий относительную свободу бытия в пространстве и времени, или торжество, сопровождаемое развлечениями, приносящими удовольствие. Праздник и повседневность по сути дела являют собой необходимые условия обоюдного существования – своего рода союз противоположностей, как театральный акт и антракт. Однако если знаменательное событие, отмеченное историческим или семейным календарем, неизбежно сопровождается увеселительными мероприятиями, то развлечения далеко не всегда согласуются с праздничными датами. Близкое концепту «праздник» понятие «развлечение» предполагает действия, способствующие отвлечению от текущих дел и мыслей посредством иных занятий (серьезных или праздных), приносящих психологическое и физическое расслаб-

ление. Праздники и развлечения – своеобразная «изнанка» повседневного бытия, а сопровождающие их наслаждение и радость в равной мере могут быть составляющими как труда, так и отдыха. Последнее, в свою очередь, зависит от степени «праздничности» мировосприятия субъекта культуры. В этом смысле правомерны рассуждения как о повседневных праздниках, так и о праздниках будней или будничности праздников. Развлечения раскрепощают человеческую душу, освобождают ее от забот повседневности, негативных эмоций, долгов и обязательств. «Человек обыденный» (и от природы «играющий») и «человек праздничный», меняясь ролями, перевоплощаются друг в друга. Яркий тому пример – праздники и развлечения эпохи правления «веселой Елизавет» – единственной из императорских особ в России, удостоенной столь изысканного эпитета.

Время правления императрицы Елизаветы Петровны (1741 – 1761) – самая «маскарадная» из эпох XVIII в. Петровские баталии с «фейерверками» реформ и «подковерные бои» послепетровских царствий с дворцовыми переворотами, репрессиями и казнями – все осталось в прошлом. Двадцатилетие роскошного «праздника души» с непрерывной чередой приемов, спектаклей, балов, маскарадов и прочих царских затей – как награда доблестным сынам и дочерям России за «многие лета», проведенные ими в повседневных трудах и рискованных хлопотах по обустройству российского «Дома». Молодая Россия в лице «дщери Петрова» и ее «ближнего круга», дождавшись заслуженного отдыха, вступила на арену «галантного века», смотря в зерка-

Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны

ла «старушки» Европы как равная среди равных.

Русское барокко XVIII в. проявило себя не только как эстетический феномен, но и как стиль жизни, как образ мышления целой исторической эпохи, выразившей себя в «картинах» духовно-предметной среды и способах ее художественного освоения. В широком смысле слова с понятием «барокко» связывают представление о чем, или о ком-либо как сознательно преувеличенном, намеренно импозантном, заведомо фиктивном, искусственном. Познание явления культуры в контексте барокко предполагает выявление в нем барочных по своей сути качеств, порожденных, в свою очередь, барочным стилем мышления и поведения.

Мировоззренческий идеал человека барокко выразил себя в гедонистической-героической личности, не знающей разлада между потребностью в удовольствии и требованием морального долга. Это любитель острых ощущений, испытывающий «вакхическую радость» от самых крутых пируэтов движения и борьбы. Барочный идеал в искусстве – культ богатства и роскоши, культ цветущего тела, демонстрирующего природное и социальное здоровье его обладателя, динамизм линий и форм, резкие светотеневые контрасты и буйство красок, асимметричность композиции и слитность пространственных планов [3, с. 378-386].

Всеобщее моделирование жизни, духа и внешнего облика человека «по выкройке барокко» нашло отражение и выражение в художественных формах дворцово-парковых ансамблей, интерьерах парадных и жилых помещений, в сюжетах и образах повседневной и праздничной жизни человека. В этом отношении широко известное высказывание французского философа эпохи Просвещения Ж. Бюффона – «стиль – есть сам человек» – как нельзя лучше характеризует сущность феномена барокко. Изменившиеся идеалы и новый образ жизни повлекли за собой преобразования жизненной среды и самого отношения к жизни. Земной мир в контексте жизненной философии барочного века не только закономерен, постигаем и управляем, но и непременно дарующий радость и наслаждение.

Игра и подражание – неотъемлемые атрибуты русской культуры XVIII в. Они проявили себя во всех сферах обще-

ственного бытия: в политике управления государством с непременными «подковерными» интригами и авантюрами; в создании различного рода духовных сообществ и тайных союзов; в искусстве и страстном коллекционировании раритетов, но особенно ярко – в сюжетах и образах официальных торжеств и частных праздников, где созвучие между пластическими и мусическими играми достигло своего апогея. Искусству праздника служили успехи в большой политике и «просвещенном общежитии», плоды наук, литература и все «три знатнейших художества», освоенные «тончайшим» верхним слоем российского общества, на который и была в первую очередь направлена культурная политика государства. Новые формы развлекательной культуры, внедрявшиеся в общественное сознание Петром I из-под палки, в правление его «дщери» – Елизаветы Петровны – вполне прижились. Большой европейский стиль барокко с триумфом прошел по русским дворцовым анфиладам, а русская аристократия, вполне овладев искусством игры и притворства, вышла на всемирно-историческую арену в роскошном маскарадном костюме.

События празднично-развлекательной культуры. Праздников при дворе «веселой царицы» было великое множество. В ассортимент самых торжественных событий входили: дни рождения и тезоименитства императрицы и членов императорской семьи (наследника – Петра Федоровича, его супруги – Екатерины Алексеевны и цесаревича – Павла Петровича); день 25 ноября 1741 года, принесшей Елизавете власть, и день ее коронации – 25 апреля 1743 г.; полковые праздники императорской гвардии и кавалерские праздники орденов Андрея Первозванного, Александра Невского и польского Белого Орла; викариальные дни (дни Полтавской битвы и окончания русско-шведской войны); приемы иностранных послов; свадебные торжества членов императорской семьи, придворных и дворцовых служителей; торжественные выезды Двора. К этому списку следует добавить празднования Нового года и многочисленные праздники русской православной церкви: Рождество, Пасху, Богоявление, Водосвятие, Св. Троицы и другие [1, с. 239-240].

Любопытно, что такой актуальный ныне праздник, как юбилей Санкт-Петербурга,

50-летие которого пришлось на время правления Елизаветы Петровны, по сравнению с последующими царствованиями, отмечался весьма скромно. Традиции ежегодных торжеств по этому поводу в XVIII в. не существовало. В 1753 г. 50-летие города было отмечено лишь изданием «Плана столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших одного проспектов, изданных трудами императорской Академии наук и художеств Санкт-Петербурга и видовых гравюр» [13, с. 59].

В жанровый арсенал развлекательной культуры елизаветинского Петербурга входили: официальные торжества, сопровождаемые триумфальными шествиями, парадами, куртагами, обедами, балами и маскарадами, фейерверками и иллюминациями; театральные постановки и музыкальные концерты, а также всевозможные барские затеи и забавы. К ним относились увлечения домашним театром, танцами, музыкой и пением, коллекционированием редкостей и произведений искусств, устройством внутреннего убранства дома и загородных усадеб, охотой, игрою в карты и бильярд, забавами с шутками и карликами. Образ жизни императорского Двора и личные пристрастия императрицы оказывали большое влияние на жизнь верхов петербургского общества. Не только аристократия, но и помещики средней руки, поддерживая новые художественные увлечения и увеселения Двора, активно разносили новую моду по своим «углам».

Идеология официальных светских празднеств елизаветинской эпохи, так же, как и в предшествующие периоды истории Российской империи, отражала идеалы и символы государства, исповедовавшие абсолютизм как незыблемый принцип управления страной. Мотив восхваления гражданского и религиозного подвига дочери Петра доминировал в качестве обязательного атрибута литературно-художественной части официальных торжеств и развлекательных мероприятий всех жанров, начиная с многочисленных проповедей во время праздничных богослужений и заканчивая литературно-агитационными опусами придворных пиитов, сочинявших сценарии фейерверков и иллюминаций [1, с. 104-105]. «Во дщери Петр опять на трон возшел, / В Елизавете все дела свои нашел», – пел А. П. Сумароков. «Монархиня,

ты всем един источник света <...> Мы свет заимствуем, дает Елизавета», – вторил ему М. В. Ломоносов.

В историю русского самовластья «веселая царица» вошла как жесточайший тиран моды. Она сурово диктовала подданным, как им нужно причесываться и во что одеваться. Силой именных указов назначались цвет и фасон одежды светских дам и кавалеров. Со своими соперницами, пытавшимися сравняться с ней в изяществе нарядов, Елизавета боролась весьма изощренно. Однажды у всех на глазах государыня срезала у одной дамы украшение из лент, очень шедшее к прическе молодой женщины. Другой раз лично остригла половину завитых спереди волос у двух фрейлин, объяснив, что не любит фасон прически, какой был у них. Но самым курьезным и, в то же время, характерным для режима самовластия дочери Петра, явился указ о бритье придворных дам. Причиной появления необычного указа оказались собственные волосы Ее Величества, жестоко пострадавшие от заморской «жиркости» какого-то шарлатана, после чего их пришлось сбрить. Не желая обнародовать свой конфуз, государыня решила: пусть вместе с ней пострадают и другие «капризницы». Дамы с плачем повиновались, а императрица послала им черные, плохо расчесанные парики [1, с. 247-248].

Другой страстью императрицы были пешие семидесятиверстные летние походы на богомолье из Москвы в Троице-Сергиев монастырь. Эту традицию, идущую от деда ее Алексея Михайловича, набожная Елизавета восстановила после долгого перерыва. Но и это богоугодное дело «веселая царица» превратила в род увеселительной прогулки с частыми остановками, охотой и пиршествами. По велению уставшей от паломнических трудов государыни в чистом поле возникали станы, сказочные шатры с приличествующими тому времени удобствами. Начинался обед, при тостах палили пушки. Несколько дней Елизавета отдыхала, развлекалась верховой ездой, охотой, потом вновь выходила на Троицкую дорогу. Но могла и вовсе вернуться в Москву и после тамошних развлечений приехать на место, до которого дошла прежде, чтобы продолжить пеший ход до следующего стана [1, с. 136-137].

Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны

Сиюминутные капризы Елизаветы исполнялись чиновниками Двора самого высокого уровня. Так, судьбой безымянной мартышки из Амстердама – «цветом зеленой и столь малой, что входила в индейский орех», которую государыня пожелала «для курьезности» иметь у себя при дворе, самолично занимались граф Великий канцлер А. П. Бестужев-Рюмин и граф вице-канцлер М. И. Воронцов [17, с. 132-133].

Своего рода данью барочной «сенсационности» в «русском духе», но, тем не менее, невероятной для своего времени, явилось тайное венчание императрицы Елизаветы Петровны с одним из своих подданных – Алексеем Разумовским, состоявшееся осенью 1742 г. в подмосковной церкви Перово. Бывший украинский пастух и певчий, получив все мыслимые и немыслимые звания (обер-егермейстер, действительный камергер, генерал-фельдмаршал, граф Римской империи) и награды (кавалер всех русских орденов, в том числе Андрея Первозванного, Св. Анны и Александра Невского), становится мужем дочери Великого Петра, в молодости «ходившей в невестах» всевозможных женихов – от Людовика XV до собственного племянника Петруши.

Двойственность характера Елизаветы Петровны – «умной и доброй, но беспорядочной и своенравной русской барыни», «не спускавшей глаз с самой себя», отражалась и на обыденной жизни Двора. Пышность парадных залов лишь подчеркивала неустроенность жилых комнат, которые, по словам В. О. Ключевского, «поражали теснотой, убожеством обстановки, неряшеством: двери не затворялись, в окна дуло; <...> комнаты были чрезвычайно сыры <...>. Елизавета жила и царствовала в золоченой нищете» [10, с. 488-489].

Праздничное время. «Рабочий график» развлекательных мероприятий императрицы был весьма напряженным. Так, «праздничный календарь» государыни на январь 1751 г. включал в себя: 1 января – Новый год; 2 – маскарад; 3 – в гостях у А. Б. Бутурлина; 5 – сочельник; 6 – день Воскресения, парад и представление французской трагедии «Алзир»; 7 – французская комедия «Жуор»; 8 – маскарад; 9 – гуляние по улицам в карете; 13 – литургия и куртаг; 15 – бал, новые танцы; 18 – маскарад; 20 – куртаг и французская комедия; 22 – маскарад; 24 – русская трагедия;

25 – французская комедия; 28-29 – свадьба придворных. Примерно так же проводила императрица и все прочее время своего двадцатилетнего царствования [1, с. 139-140]. Не отставали от нее и придворные. Особы первых двух классов давали маскарады у себя во дворцах и на пригородных дачах, куда приезжала и Елизавета.

Дворцово-парковый ансамбль как праздничное пространство. Изменившиеся идеалы и новый образ жизни «новейших россиян» повлекли за собой преобразование жизненной среды, которая, будучи, предназначенной для «праздника жизни», закономерно и органично становилась неотъемлемым атрибутом развлекательной культуры. С начала XVIII в. множество дворцов – каменных или деревянных, летних и зимних – в самом Петербурге и Царском Селе, а также путевых, как Среднерогатский по дороге между Петербургом и Москвой, строились в стиле барокко – вначале в скромном голландском варианте, а затем пышном итальянском. Именно в годы царствования Елизаветы Ф. Б. Растрелли создает свои шедевры – дворцы М. И. Воронцова и С. Г. Строганова. При ней же перестраивается Ораниенбаумский дворец, возводятся дворцы для ее фаворитов А. Г. Разумовского и И. И. Шувалова. Для «веселой Елизаветы» – истинной дочери своего гедонистического века – барокко явилось «как драгоценная оправка для редкостного бриллианта» [1, с. 231].

Благодаря синтезу барочных и рокайльных форм в художественном убранстве дворцов их главным «персонажем» становится зеркало, по воле мастера то «собирающее» интерьер праздничного пространства, то, наоборот, «разрушающее» его границы. Разнообразные эффекты «игры» с пространством достигались за счет варьирования приемов расположения зеркал: друг против друга, в анфиладе комнат или напротив окон в количестве, соответствующем числу последних, что создавало иллюзию множественности, столь характерную для эпохи барокко. При Елизавете зеркало становится непременным атрибутом и доминантой интерьера не только царских дворцов, но и домов знатных аристократов и богатых купцов.

По воле императрицы Елизаветы на престол **Царское Село** – ее наследственная вот-

И. А. Манкевич

чина, которую она пожелала превратить в интимную резиденцию, наподобие Версаля, – стало украшаться новыми зданиями. Самые роскошные из них – Екатерининский дворец и малые увеселительные павильоны – Катальная горка, Эрмитаж, Грот, Монбизу, в создании которых главная роль принадлежала графу Ф. Б. Растрелли. Архитектору понадобилось одиннадцать лет, чтобы построить в некогда довольно глухом месте возле финской деревни, с нетронутыми дремучими лесами и разбойниками, волшебный по своей красоте дворец. Как следует из счетов 1746 – 1747 гг., на одни наружные украшения Екатерининского дворца – кариатиды, вазы и статуи на крыше – ушло 6 пудов 17 фунтов и 2 золотника червонного золота. По рассказам современников, при ярком солнечном свете на дворец смотреть было невозможно, т. к. в первое время после постройки, все украшения дворца, «как жар горели» [15, с. 426].

Изумительная роскошь дворца, фантастическое великолепие его внешнего и внутреннего убранства и «при всем <...> изрядный и особый вымысел и порядок» потрясли взоры его гостей. По поводу великолепия елизаветинских чертог один из иностранных дипломатов резонно заметил, что этой жемчужине не хватает только одного – футляра, чтобы сохранить ее [1, с. 234]. Тонко льстивая фраза оправдалась впоследствии непредвиденно. Уже при Екатерине II внешняя позолота дворца испортилась, и все украшения, кроме церковных куполов, пришлось закрасить желтой краской. Однако прежде, чем дворец стал «жемчужиной», Ф. Б. Растрелли, чтобы угодить вкусам императрицы, не жалевшей на свой каприз ни материалов, ни денег, перестраивал его шесть раз. Как писала впоследствии в своих записках Екатерина II, «это была работа Пенелопы: завтра ломали то, что было сделано сегодня. <...> Целы счета на миллион шестьсот тысяч рублей <...>, но, кроме того, императрица тратила на него много денег из своего кармана, и счетов на них нет» [1, с. 235].

Костюм как «среда обитания». Идеалы эпохи барокко отразились не только в стилистике форм «большого пространства». В не меньшей степени барочный стиль выразил себя в ближайшей к телу человека «среде обитания» – costume.

Яркую характеристику европейского костюма галантного века дает в своем исследовании немецкий историк Э. Фукс: «Костюм – это та форма, которую дух придает телу во вкусе времени. Каждая эпоха создает нового Адама и новую Еву, поэтому принципиально всегда создает и новый костюм». В эпоху барокко «костюм уже не служит, как при Ренессансе, простой декорацией для нагого тела, а становится главным, рядом с чем живой человек отступает далеко на задний план. Идеал красоты теперь осуществляется при помощи одежды <...>. Отделить человека от его костюма просто невозможно <...>. Только под покровом своей специфической одежды человек становится определенной личностью. В эпоху абсолютизма люди состоят только из платья, и часто платье и есть весь человек» [21, с. 111].

Причудливый путь развития моды в середине XVIII столетия максимально сблизил облик мужчины и женщины. В цвете предпочтение отдавалось нежным пастельным тонам, в отделке – шелковым вышивкам на мужских и женских нарядах. Нежные кружева подчеркивали белизну рук кавалеров и дам. Фарфор становится идеальным материалом для подражания ему в белизне кожи и волос. Представители обоих полов пользовались табакерками, веерами, мушками, тростями, муфтами, что в известной мере сблизило их бытовую пластику, которая подчинилась изысканным позам фарфоровых статуэток [9, с. 78-81].

В Большом Петергофском дворце на торжественных выходах и балах приглашенные должны были надевать особые «петергофские платья», которые по цвету гармонировали с наружной окраской дворца (зеленый с белым), темной зеленью сада и белизной фонтанных струй [12, с. 17]. «Упорядоченные» костюмным этикетом гости образовывали изящный живой орнамент, вплетенный в единый художественный замысел дворцово-паркового ансамбля – его архитектуры, ландшафта и дизайнера [9, с. 66]. Соблюдение барочного этикета становилось внутренней потребностью дворянина, а изящество манер – источником эстетического удовольствия.

Официальный ритуал светских праздников сложился с петровских времен. Елизавета внимательно следила за всеми европейскими новшествами. В ка-

**Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург
в эпоху императрицы Елизаветы Петровны**

честве руководства подробные церемониалы придворных празднеств выписывались из Парижа и Дрездена. Непременными атрибутами официальных праздников являлись **литургия** в придворной церкви, дополняемая перезвонном колоколов городских церквей, **парад и угощение** стоящих в параде офицеров, а также **дармовое угощение** для простолюдинов. Далее следовал торжественный праздничный **обед** в Зимнем дворце. Обед сменялся **балом** или **маскарадом**. Все праздники сопровождалась **иллюминацией, фейерверком** и **салютом**, а коронационные торжества, помимо прочего – **триумфальным шествием** императрицы и ее свиты через специально построенные для этого праздника **триумфальные ворота**.

Сюжеты празднично-развлекательной культуры. После литургии императрица, одетая в платье, шитое как мундир полковника Преображенского полка, принимала **парад**. В нем участвовали четыре гвардейских полка: Преображенский, Семеновский, Измайловский, Конный и несколько полевых, квартировавшихся в городе или его окрестностях. Елизавета в роскошном экипаже объезжала их строй. Во время парада на праздник Водосвятия у проруби-Иордани перед Зимним дворцом полки стояли на льду Невы шпалерами от Стрелки Васильевского острова до Охты. Иначе столько солдат и офицеров было не разместить. В 1749 г. на лед было выведено девять полков числом 16 047 человек. На полковых праздниках трактовали (угощали) стоящих в параде штаб и обер-офицеров [1, с. 241].

Дармовое угощение во время праздников доставалось и простолюдинам. На площади у дворца стояли многоступенчатые пирамиды, на которые дворцовые служители поднимали зажаренных на вертеле быков с золочеными рогами. Распоротое брюхо быков набивали жареной дичью – глухарями, рябчиками, утками и тетеревами. Из дворцовых погребов выкатывали не меньше полусотни бочек с красным вином и водкой и устраивали винные фонтаны, поднимая бочки на столбы и сливая их содержимое в деревянные бассейны. Алчущую толпу допускали к угощению по особому сигналу пушки [1, с. 241-242]. Зрелище пиршества, следовавшее тотчас за пушечным выстрелом, по силам воссоз-

дать, очевидно, только гению Питера Пауля Рубенса.

Праздничные обеды. Во времена Елизаветы один иностранец резонно заметил, что в этой стране «здравый смысл, если таковой имеется, заключается в обжорстве, питье и экипажах» [16, с. 71]. Обеды во дворце продолжались четыре – семь часов. Немногим короче были завтраки и ужины. Длинным столам придавалась причудливая форма в виде извивающейся змеи, барочного узора или какой-нибудь буквы. Скатерти переплетались разноцветными лентами, которые закалывались декоративными розетками, образующими причудливые оборки. Особенно живописно стол украшался во время кавалерских орденских праздников, когда строго соблюдалась орденская гамма в одежде участников, ливреях слуг, украшениях стола и так называемых «кавалерских сервизах». Каждый приглашенный имел свое определенное место и менять его не мог. Обеды, даваемые в Зимнем дворце, обслуживали сотни офицантов разных национальностей, старавшихся ухаживать за своими соотечественниками.

В заранее утвержденное меню входили «кушанья всех возможных стран Европы». Лебеди, поросята, дичь, говядина и прочие «разносолы» сменяли друг друга непрерывно. За угощением пили венгерское, бургундское, шампанское, пиво английское, рейнвейн, белое, красное вино, по две и больше бутылки на человека. В списке тостов, также заранее утвержденном, главными были тосты за здоровье и долголетие «Ея Императорского Величества». Не пить за здоровье государыни считалось государственным преступлением. В момент испития батарея, стоявшая у дворца, по взмаху платка специального служителя непрерывно палила – тосты следовали один за другим. Так, во время банкета в день тезоименитства государыни 29 июня 1748 года прозвучало 82 пушечных залпа [1, с. 243-246].

Непременным атрибутом праздничного стола являлись настольные украшения – фигуративные композиции, различающиеся жанрами, сюжетами, материалом изготовления и системой расстановки. К ним, в частности, относились: «Филе» – украшения из отдельных фигур или собранных в небольшие группы; «Парнас» – крупный

И. А. Манкевич

многофигурный фарфоровый монумент; «храмы», «триумфальные арки», «сады» и «ландшафты» с разного рода архитектурными деталями, кукольными статуями и прочими предметами. Во время особо торжественных обедов праздничный стол представлял собою сложное архитектурное сооружение, называемое «гора банкетная деревянная сверху корона с крестом и скипетр». На нем стояли различные символические фигуры, вензеля, короны, тысячи искусственных ягод и цветов, соединенных в букеты и золоченые фигуры, настольные фонтаны, журчащие водой, и маленькие деревья, увитые живыми и искусственными цветами [19, с. 162]. Сладости оформлялись французскими кондитерами в виде огромных съедобных картин, как, например «десерт – Марсово поле с Марсом и с разными приличными тому торжеству украшениями». Предметы фарфорового сервиза представляли собой вид окорока, кабаньей головы или кочана капусты в натуральную величину [1, с. 243 - 246].

Украшение свадебного стола великого князя Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны было создано по проекту самого Ф. Б. Растрелли. Вот только некоторые из компонентов этой композиции: 50 пирамид с итальянскими цветами в горшках, украшенные позолоченной резьбой, два ряда светящихся плашек из чистого белого воску, восемь фонтанов наподобие грибов с мраморными статуями по сторонам от них. Вся композиция была иллюминирована восемью тысячами плашками. Зрелище дополнялось музыкальным сопровождением и шумом воды из фонтанов. Своего рода шедевром настольных украшений елизаветинской эпохи явился «минералогический» десерт П. И. Шувалова. Он представлял собой гору с рудниками, шахтами и с сахарными образцами всех руд, копировавших настоящие экспонаты из геологической коллекции графа, за процессом добычи которых можно было наблюдать [19, с. 161-162].

Для самой Елизаветы еда была своего рода развлечением, занимавшим ее не менее чем танцы или охота. Будучи гурманкой, она платила своему повару восемьсот рублей в год и дала ему бригадирский чин за то, чтобы он готовил по ее вкусу. Государыня предпочитала русскую и украинскую кухню. По наблюдениям со-

временников, ела Елизавета немало: любила жирное и сладкое, не отказывая себе ни в одном из любимых блюд и удовольствий, несмотря на предостережения врачей. Любимым ее блюдом были охотничьи трофеи. Каждое блюдо государыня запивала вином, предпочитая из всех вин то-кайское, любила ликеры. Именно Елизавета, никогда не ложившаяся спать раньше шести утра и проводившая ночь со своим ближайшим окружением, ввела обыкновение подавать посреди ночного веселья не только прохладительные напитки и мороженое, но и горячие супы [16, с. 70]. После ужина танцы возобновлялись и длились до поздней ночи. Случалось, что во время ужина кровь прилиwała государыне в голову, и она падала в обморок. Из-за стола ее уже выносили. Но и после таких случаев Елизавета ни в чем себя не ограничивала.

Балы и маскарады. Во времена Елизаветы Петровны придворные балы достигают огромного размаха. На них собираются до трех тысяч человек [5]. Балы и маскарады были не только развлечением, но и повинностью: явка гостей была обязательной. По каждому случаю прогула рапорт на имя государыни с указанием причины отсутствия подавался самим генералом-полицмейстером, например: «Вице-адмирала Головина дочь – ветром себя застудила...» [1, с. 249].

Особое место в развлекательной «политике» Елизаветы занимали маскарады, вносящие разнообразие в скучные балы с неизменным набором церемониальных танцев. Маскарады устраивались два раза в неделю – одни для Двора и тех лиц, кого императрица приглашала лично, другие – для шести первых классов и «знатного шляхетства» [6, с. 121]. На маскарады гости съезжались в костюмах и масках. Допускались и люди без масок, которых размещали в ложах, но танцевать они не могли. Для «масок» выставлялись напитки и закуски, ставились карточные столы, разыгрывались лотереи. Гости, веселящиеся под одну и ту же музыку, были разделены на две-три группы низкими решетками, отделявшими «особ высшей пробы» от прочих приглашенных [1, с. 251].

Свою лепту в маскарадные эффекты вносили и чудачества Елизаветы с переодеваниями мужчин в женское платье, а женщин – в мужское. Такая «метаморфо-

**Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург
в эпоху императрицы Елизаветы Петровны**

за» давала ей – «совершеннейшей <...> своего времени танцовщице» – возможность продемонстрировать свои красивые ноги, в то время как другие дамы выглядели в таком наряде смешно. Для России подобное развлечение было совершенно необычным явлением. Однако в век «галантных празднеств», каковой являлась эпоха елизаветинского рококо, где искусство игры и обмана суть искусства «жить», переодевание становится одним из атрибутов праздника жизни. На одном из таких маскарадов во время танцев партнер Великой княгини Екатерины Алексеевны по полонезу – камер-юнкер Сиверс, подавая ей на повороте руку, опрокинул своими физмами находившуюся сзади графиню Гендрикову, а та, падая, толкнула запутавшуюся в своем длинном платье Екатерину. Все трое оказались на полу, не имея возможности подняться без посторонней помощи [6, с. 122].

Триумфальные шествия. Сложившаяся в петровское время традиция триумфальных шествий с возведением величественных арок по ходу маршрута праздничной процессии сохранилась и в середине XVIII в. **Триумфальные ворота, или арки** середины XVIII в. – это временные деревянные сооружения, расписанные под мрамор и напоминавшие по своей форме далекий римский образец. Среди самых известных триумфальных ворот Петербурга – Аничковские и Адмиралтейские, установленные в честь возвращения Елизаветы после коронации из Москвы в Петербург и успешных военных действий против Швеции. Места расположения этих ворот – первые на границе тогдашнего города у Аничкова моста, а вторые – у поворота с Невского проспекта на Луговую улицу, ведущую к Зимнему дворцу (современный отрезок Большой Морской от Невского до Главного штаба), были символическими для Елизаветы. Они напоминали ей путь во власть – события исторической ночи 25 ноября 1742 г., которые сделали дочь Петра императрицей [7, с. 259-264].

Среди зрелищ XVIII века **иллюминации и фейерверки** – самые распространенные и самые массовые. Их зрительный зал – улицы, набережные и площади столицы. «В России порохом дорожат не более чем песком», – удивлялись иностранцы роскоши русских фейерверков [18, с. 88]. Художественное оформление «ог-

ненных потех» включало в себя портретную и театральную живопись, литературу, архитектуру и музыку. Сложные световые композиции – эмблематические картины, аллегорические статуи, девизы, создаваемые декораторами и пиротехниками по сюжетам Я. Штелина, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, были направлены на прославление личных заслуг и добродетелей императрицы, обеспечивающих процветание и благоденствие России. Символика увеселительных огней была утомительно идеологизирована и оставалась неизменной на протяжении всего XVIII в. По этому поводу в одном из своих писем Екатерина II язвительно отмечала: «храм Януса да храм Бахуса, храм невесты какого дьявола – все дурацкие несносные аллегории и при том в громадных размерах с необычайным усилением произвели что-нибудь бессмысленное» [18, с. 95].

Иллюминация – праздничное световое украшение улиц, площадей и домов Петербурга. Для этой потехи использовались зажженные глиняные плошки, наполненные говяжьим салом. Обыватели обязаны были за свой счет «иллюминировать» свои дома. Несколько тысяч плошек, расставленных на земле вдоль оград домов и на бастionaх обеих петербургских крепостей, преображали пространство праздничного города, подчеркивая его архитектуру. Особой красотой отличались иллюминации в Петергофе, чему способствовала круговая подцветка фонтанов под «итальянскую голосную и инструментальную музыку» [1, с. 252-253].

Фейерверк становится символом государственной власти при Петре I. В елизаветинское время он продолжал оставаться одним из ведущих жанров развлекательной культуры, сопровождая годоводные торжества, празднования дней рождений и именин императрицы и членов ее семьи, годовщин коронации и военных побед. Фейерверки устраивали на открытых городских пространствах, подальше от жилья. Зимой для этих целей использовали огромную ледовую площадь, ограниченную Зимним дворцом, Петропавловской крепостью и Стрелкой Васильевского острова. Летом «огненные потехи» переносились на плоты и суда, стоявшие на Неве. Богатые и влиятельные фавориты Елизаветы устраивали фейерверки и иллюминации в своих загородных дворцах.

И. А. Манкевич

Первым фейерверком в царствовании Елизаветы был фейерверк 18 декабря 1741 г., посвященный ее дню рождения. Он был призван утвердить легитимность нового царствования и признать законность недавнего дворцового переворота. Сюжет в полной мере отражал поставленную задачу: Правосудие Божьего промысла подает руку Любви к Отечеству. Над композицией размещалась надпись: «Давний долг сему дню» и дата рождения Елизаветы – 18 декабря 1709 г. Новогодний фейерверк 1742 г. прославлял Елизавету и благополучие, которое приходит вместе с ней. Идею выражал храм Януса, через который Премудрость Божья показывает России вход в храм Благополучия. Главные доблести императрицы, при помощи которых Россия добивается процветания, были представлены в виде статуй Мудрости, Милости, Храбрости и Любви Отечеству.

Фейерверк 15 сентября 1743 г., посвященный окончанию русско-шведской войны, был насыщен мирной тематикой: голубь, держащий масличную ветвь, слетает к разделенному на две половины щиту, в которых находятся орел (Россия) и лев (Швеция). Сюжет дополняли вензель императрицы, год мира и большой двуглавый орел, изрыгающий из своих клювов праздничные огненные фонтаны. Плоды мира для обоих государств были представлены четырьмя статуями – Свободное мореплавание, Беспрепятственное отправление купечества и корреспонденции, Спокойное земледелие, Благополучие и удовольствие земель.

10 февраля 1745 г. в Петербурге состоялся фейерверк в честь 17 дня рождения племянника Елизаветы – Петра Федоровича. Сюжет в завуалированной форме повествовал о тяжелой и опасной болезни, угрожавшей жизни наследника. Этот факт биографии будущего императора Петра III был представлен в виде возводимого из камня обелиска, который после завершения 16-го ряда начинал шататься, а 17-й вот-вот тоже должен был упасть, но вовремя вмешавшееся Провидение удерживает конструкцию и добавляет начало нового 18-го ряда. Обелиск Петра Федоровича лежал на высеченном из камня фундаменте Петра Великого, чем утверждалась преемственность правлений – Петр I, Елизавета и Петр Федоро-

вич – все вместе сооружают новое здание России.

Фейерверк 21 августа 1745 г. в честь бракосочетания наследника престола изобразил брачную символику (Венера в колеснице, два пылающих сердца, целующиеся голуби), сопровождаемой историей царской династии в лицах – бюстами Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины I и Елизаветы вместе с вензелями новобрачных [7, с. 239-249].

Праздничный фейерверк заканчивался красочным **салютом** из сотен орудий цитаделей и фортов Кронштадта, бастионов Адмиралтейской и Петропавловской крепостей и стоявших на Неве кораблей. В небо со страшным грохотом извергались миллионы разноцветных огней, которые пышными букетами медленно расцветали над городом, заменяя ему частые тогда, но беззвучные северные сияния. Для десятков дворцовых служителей и солдат время «огненных потех» – тяжкий труд и реальная угроза жизни. Бывало, что сотни ведер воды, поднятых ими на крыши домов, не помогали в борьбе с частыми пожарами, вспыхивающими в разных районах столицы [1, с. 240, 253].

Театр и музыка. Если титул «отца русского театра» принадлежит Федору Волкову, то титул «матери русского театра», безусловно, – императрице Елизавете Петровне. Природа театра была близка Елизавете. Всю жизнь она разыгрывала перед людьми спектакль своего царствования, наслаждаясь собственной игрой и созданным ею миром вечного праздника. Еще будучи опальной цесаревной, Елизавета устраивала в своем маленьком дворе любительские спектакли, а, возвратившись в Петербург, смотрела спектакли в дворцовом театре Анны Иоанновны [1, с. 313-320].

С 1750 года театральная труппа воспитанников Шляхетского кадетского корпуса, состоявшая из членов Кружка любителей российской словесности, которым руководил кадет А. П. Сумароков, с успехом выступала при Дворе. Увлечение Елизаветы кадетскими спектаклями и самими кадетами невольно способствовало зарождению профессионального театра в России. 30 августа 1756 г. императрица подписала указ об учреждении «Русского для представления трагедий и комедий пуб-

Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны

личного театра», положивший начало театру как государственному учреждению.

Елизавета лично заботилась об организации театрального представления и о том, чтобы они посещались публикой. Для привлечения зрителей императрица приказала пускать на спектакли «обоюбого пола знатное купечество, только бы одеты были не гнусно». При отсутствии на спектакле кого-либо из придворных дам Елизавета распорядилась «послать от Высочайшей своей персоны спросить: не забыли они, что сей назначенный день будет комедия?». Подобный вопрос означал категорический приказ прийти на комедию [4, с. 264]. Сама государыня могла часами и днями не покидать представления, доводя до изнеможения свой Двор тем, что вновь и вновь требовала повторения понравившихся ей пьес.

Спектакли ставились и в других театрах Петербурга и его окрестностях, в том числе в деревянном театре на Царицынском лугу близ Летнего дворца, в Петергофе, Ораниенбауме и Царском Селе. В те же годы создавались частные общедоступные театры. Разрешение «играть русские комедии в частных домах» появилось в декабре 1750 г. с одним условием: «чтоб по улицам в комедийных платьях не ходили» [4, с. 262].

Личные пристрастия Елизаветы к музыке и пению способствовали развитию **музыкальной культуры** в России. По мнению историков русской музыки, Елизавета, несомненно, обладала музыкальными способностями, слухом и голосом, и, кроме того, была автором двух народных песен и нескольких городских романсов, весьма популярных в XVIII в. В молодости цесаревна пела в церковном хоре. Вступив на трон, Елизавета особое внимание уделяла оркестру придворной капеллы.

Музыка была неременным фоном праздников и увеселений всех жанров. Праздничные обеды и ужины сопровождались приятной для уха и пищеварения музыкой придворного оркестра и капеллы, а также музыкантов и певцов Шляхетского корпуса, моряков и полковых музыкантов. Существовал четкий график, по которому вся «музыкальная жизнь» Двора была расписана по дням: «Отныне впредь при дворе каждой недели после полудня быть музыке: по понедельникам – танцевальной, по средам – итальянской, а по вторникам

и пятницам, по прежнему указу, быть комедиям» [1, с. 308-309].

При Елизавете были организованы первые публичные **концерты** придворного оркестра, вход на которые запрещался только пьяным, лакеям и распутным женщинам. На этих концертах слушатели впервые познакомились с арфой, гитарой, мандолиной. Благодаря стараниям обер-егермейстера Двора Семена Кирилловича Нарышкина, пожелавшего приятно удивить императрицу, в России появилась роговая музыка. Раз в неделю у себя в кабинете концерты устраивал и великий князь Петр Федорович, обожавший, как известно, играть на скрипке, немало досажая этим увлечением своей супруге Екатерине Алексеевне.

При Елизавете Петровне становится модным устройство лицами разного звания (но не низами) частных концертов и танцевальных вечеров в специально снимаемых для этих целей помещениях. По этому поводу императрица издала специальный указ, повелевавший не чинить препятствия обывателям, «которые похотят для увеселения <...> вечеринки с пристойной музыкой или <...> Русские Комедии иметь» [21, с. 11]. В таких домах за плату (в зависимости от ранга собиравшихся, от 50 коп. до 1 р., а женщины бесплатно) можно было приятно провести время под музыку полкового оркестра, играя в лото, карты, лотерею и угощаясь кофе и виноградными напитками.

Как и во всей Европе, при дворе Елизаветы господствовала итальянская музыка. С возвращением в Россию работавшего ранее при дворе Анны Иоанновны, итальянского композитора, дирижера и режиссера Франческо Арайя любимым развлекательным зрелищем в Петербурге становятся **оперные спектакли**. В итальянских операх впервые зазвучали голоса русских (украинских) оперных певцов, поражавших слушателей чистотой и длительностью исполнения арий. Театральный зритель XVIII в. ничуть не уставал от перегруженного аллегориями четырехчасового «действия, пением отправляемого», которое в перерыве дополнялось музыкальными и балетными номерами. Красочные декорации, сменяемые силою чудесных механизмов, роскошные костюмы, световые эффекты и совершенство музы-

И. А. Манкевич

кального исполнения приводили публику в восторг. Оперные спектакли пользовались колоссальным успехом. Для представления «Милосердия Титова» в 1742 г. был построен специальный деревянный театр на пять тысяч мест. Но и этого зала не хватало, чтобы разместить всех желающих, которые «должны были потратить по шести и более часов до начала, чтобы добыть себе место» [1, с. 311].

Как и другие зрелищные мероприятия, оперные постановки верой и правдой «служили царице и отечеству», неизменно выполняя «социальный заказ» времени и режима. Ярким примером тому служит, сочиненный академиком Якобом Штелиным пролог к опере «Милосердие Титово», под названием «Россия по печали паки обрадованная». Когда раздвигался занавес, зрители видели плохо освещенную сцену, которая символизировала разоренную злодеем Бироном «запустелую страну, дикий лес и в разных местах отчасти начатое, но не довершенное, а отчасти развалившееся и разоренное строение». В этой мизансцене пылливый зритель должен был усмотреть незаконченные и брошенные начинания Петра Великого. В середине сцены восседала женщина по имени Рутения – Россия, окруженная хныкающими детьми – русскими людьми. По свидетельству современника в этом месте заполненный до отказа четырехтысячный зал, возрыдал. Не выдержав общей печали, вместе с народом пустила слезу и сидевшая в царской ложе императрица. Однако Рутения успокаивает детей тем, что Петр еще жив в лице своей дочери и он вскоре может вернуть России ее былую славу, «ежели кровию Великого Петра и истинною и законною наследницею Петровы времена паки восстановлены будут» [1, с. 105].

Барские развлечения и затеи. Невероятная роскошь двора Елизаветы требовала огромных расходов не только от императрицы, бравшей деньги с государственной казны, но и ее вельмож, не желавших ударить в грязь лицом. Как писал князь М. М. Щербатов «двор, подражая или, лучше сказать, угождая императрице, в златотканые одежды облекался, вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богаче, в столе – все, что есть драгоценнее, в питье – все, что есть реже...» [1, с. 270].

Развлечения в домах вельмож уступали дворцовым праздникам только в масштабах. Усадьба елизаветинского вельможи канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина на принадлежащем ему Каменном острове, была предназначена, главным образом, для увеселений почетных гостей. На один из таких праздников канцлер пригласил к себе в гости французского посла, его свиту и весь дипломатический корпус Петербурга. В назначенный день богато убранные придворные яхты и гондолы, заполненные гостями канцлера, отправились от его дома, находившегося на месте будущего здания Сената, в путь. «Вся эта щегольская эскадра, предшествуемая судами, на которых находились музыканты, поплыли вверх по Неве на пути к очарованному острову». Прибыв на место, гости испытали «много удовольствия, находя во время прогулки местами китайские киоски в рощах, бальные залы, карусели и воздушные театры. Все было переполнено веселящимся народом, хорошо одетым, и людьми обоего пола, которых канцлер забавлял и угощал на свой счет» [1, с. 271].

Наиболее состоятельные вельможи брали себе за правило держать так называемый «открытый стол». Однажды сделанное приглашение, действовало всегда. Бывало, хозяин «стола» годами не знал, кто к нему приходит обедать. На подобные «праздники души» уходили гигантские средства. Так, наследство самого богатого сановника елизаветинского царствования Петра Ивановича Шувалова оценивалось в астрономическую сумму – 588 тыс. р., но и этих денег не хватило, чтобы заплатить его долги, составившие после смерти 680 тыс. р. [1, с. 273].

Усадьба как праздничное пространство. Новый образ жизни повлек за собой и перемены в загородных усадьбах. Эти изменения затронули положение дома в усадебном пространстве, сказались на его композиционном строении, внешнем облике, способах убранства. От привычных хором предшествующего периода дом середины XVIII в. отличался асимметричной композицией, непременно рядом анфилад, прилегающих к центральному залу, четким разграничением парадных и жилых комнат. «Игрушечные» размеры парковых павильонов, являясь естественным продолжением садового фасада дома, побуждали гостей к легкому и непринужден-

Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны

ному общению. Ритуалы в парадном пространстве усадьбы на фоне праздничного фасада дома: осмотр гостями сада, оранжереи, церкви – являлись своего рода прелюдией к развлекательным акциям внутри дома.

Многолюдные приемы, обеды и балы требовали соответствующих пространств, а культ роскоши – достойных убранств, поскольку, как отмечал современник, «человек делается почтительнее по мере великолепности его жития и уборов» [2, с. 74]. Убрать дом согласно своим эстетическим представлениям, дабы произвести особенное впечатление на гостей, становилось увлекательным занятием, которому хозяева отдавали немало времени, энергии и средств. В домах елизаветинской эпохи в изобилии вводятся зеркала. Их размещали в простенках или напротив окон, благодаря чему комната неузнаваемо преображалась, воспроизводясь многими отражениями. Этот зеркальный прием превращал ее в иллюзорное пространство, в котором мир дома и улицы перемешивались фантастическим образом. Пространство преломлялось, удваивалось, становилось многомерным. Анфиладный ряд усиливал ощущение сказочного «зазеркалья», в котором множились и пересекались отражения участников осмотра дома, а вместе с ними и портретов царственных особ и членов «фамилии», непременно украшавших стены парадных и жилых комнат. Во время ужина, карточной игры, чтения или письма на столы ставились подсвечники со свечами. В их бликах волшебным образом оживали расписные плафоны, изображавшие небеса с парящими в облачных высях мифологическими персонажами.

Разнообразные формы затейливой мебели различного назначения из дуба, ореха, красного дерева, позолоченной или крашеной, придавали этому сказочному миру признаки реальности человеческого бытия. Шкафы и шкафчики, кабинеты и комоды всех «мастей», канапе, столы и столики для туалета, еды и игр, кресла и стулья, клавикорды, изразцовые печи и множество часов – настольных, напольных, каминных – неперенные атрибуты домашнего убранства и безмолвные участники семейных затей. Картину, выносимую на обозрение публики, дополняли всевозможные мелочи быта – фарфоровые «фи-

тюльки», золоченые птички в клетках, алебастровые куклы, стеклянные безделушки, скатерти, цветы и прочие забавные мелочи быта, подчеркивающие своеобразие вкуса хозяев, их приверженность традиции или моде [2].

Увлечение занятиями по убранству дома способствовало развитию интереса и вкуса к **собирачеству** и **коллекционированию**. Коллекционирование – одно из самых дорогостоящих развлечений вельмож XVIII века, входившее в состав неперенных атрибутов «имиджа» дворянского достоинства, богатства, знатности и престижа. Основы этого рода общественной деятельности, заложенные Петром I на государственном уровне, нашли свое продолжение и во времена Елизаветы Петровны. Среди самых известных собраний елизаветинского Петербурга – богатейшие коллекции европейской живописи и предметов декоративного искусства, принадлежащие идеологу русского Просвещения, меценату и создателю Академии художеств – И. И. Шувалову, а также семье графа С. Г. Строганова. Коллекционирование картин, скульптур, фарфора, монет, драгоценных камней, старинного оружия, курительных трубок, тростей, табакерок и прочих предметов дворянского быта в XVIII в. становится не только проявлением духа подражательства, чудачества или демонстрацией богатства, но и образцом европейской образованности.

Охота. Престиж и роскошь царской охоте, после забвения ее в угоду шумным ассамблеям и увеселительным водным прогулкам петровской эпохи, были возвращены внуком Петра I, императором Петром Алексеевичем, не желавшим «по морю плавать, как дедушка» и заразившим этой великой страстью свою молодую тетюшку Елизавету Петровну. Если для простолюдинов охота – способ добывания пищи, то для аристократии она превратилась в эффектное и почти ритуальное действие со своими законами и запретами. Рядом с охотниками всегда находились собаки (борзые, гончие, легавые, лайки, норные, спаниели), лошади и хищные птицы (соколы или ястребы). Соколиная охота была воистину царской забавой, где риск, азарт погони, восторг победы горячили барскую кровь. Специально для государевых забав отводились охотничьи угодья и строились обширные зверинцы в окрестностях Петербурга – Петергофе и Царском Селе.

И. А. Манкевич

На охоту Елизавета выезжала в мужском платье на коне в окружении пышной свиты, роскошно одетых кавалеров и дам. Каждый выезд сопровождался громом пушек и музыкой. В поле назначался сборный пункт, где разбивалось несколько шатров-палаток. Отсюда начинался выезд, сюда звуками рога созывались гости. Загонщики выгоняли зверей, спускали собак, и начиналась бешеная скачка. После охоты в палатки подавался обед, а затем устраивались танцы. Вечерами путь освещала иллюминация, а роскошный фейерверк развлекал императрицу и ее гостей во время ужина [16, с. 71].

Карты, появившиеся в России еще в XVI – XVII вв., в правление Елизаветы прочно вошли в повседневную жизнь русского дворянства как неперемный атрибут бала и куртагов. Даже молодым красавицам деньги выдавались в ту пору не «на булавки», а «на игру», где ставками были десятки золотых или небольшие бриллианты [6, с. 200-201]. Сама Елизавета была страстной картежницей, как и ее любимцы, братья Алексей и Кирилл Разумовские и Иван Шувалов. «В большой зале, находившейся посреди дома Алексея Григорьевича, с утра до вечера играли в фараон, и по большой цене», – свидетельствовала Великая княгиня Екатерина Алексеевна [14, с. 10-11].

Бильярд, известный в России со времен Петра I, при Елизавете Петровне существовал негласно, для чего во дворцах отводилась специальная бильярдная комната. В частных домах большое распространение получило **лото**, ведущее свою родословную от Европы с 1620 г. Новомодное для XVIII в. **курение**, обычно связанное с беседой в узком приятельском кругу, также может рассматриваться как форма развлечения и отдыха. Однако табачного дыма Елизавета не терпела. По этому поводу ею был дан особый указ, «дабы при дворе Ее императорского величества табаку отнюдь никто курить не дерзал» [1, с. 256].

Заключение. Однако ничто не вечно в этом мире. И двадцатилетнему роскошному царствованию дочери Петра Великого и лифляндской «портмои», сумевшей взять трон-реванш прямо из колыбели младенца-императора Ивана Антоновича, подошел конец. Не прошли бесследно годы ночной, неумеренной жизни, отсут-

ствии всяческих ограничений в еде, питье и развлечениях. Неожиданные удары, настигавшие «веселую Елизавету» один за другим в самых неподходящих местах ее золоченого царства, неумолимо свидетельствовали о скором приближении заключительного акта этой многолетней «божественной» «человеческой комедии».

Невероятно, но даже смерть к «веселой царице» пришла в праздничных одеждах. Судьбе было угодно, чтобы государыня скончалась 25 декабря 1761 г. – в день, когда православный мир отмечал свой великий праздник – Рождество. После смерти Елизаветы новый император обнаружил в ее покоях «наследный» гардероб, состоявший из 15 тыс. платьев, «частью один раз надеванных, частью совсем не ношенных, 2 сундука шелковых чулок, лент, башмаков и туфель до нескольких тысяч и проч. Более сотни неразрезанных кусков богатых французских материй» [1, с. 117]. Еще в течение пятидесяти лет – вплоть до времени правления Александра I – это наследство государыни-матушки будут использовать на придворных каруселях, кадрилях, балетах и спектаклях [17, с. 133-134].

Один из очевидцев финальных событий – шведский граф Гордт, бывший в день похорон Елизаветы в Петербурге, отметил в своих записках, что «общественная скорбь была вполне искренна <...>; но на другой же день не было и речи об императрице Елизавете Петровне, точно она никогда не существовала» [1, с. 412]. Праздник жизни продолжался! Но это была уже совсем другая пьеса, с другими декорациями, сюжетами и героями.

Литература

1. **Анисимов Е. В.** Елизавета Петровна / Е. В. Анисимов. – 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 426 с.
2. **Байбурова Р. М.** Русский усадебный дом середины XVIII века как элемент развлекательной культуры барокко / Р. М. Байбурова // Развлекательная культура России XVIII – XIX вв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 69–87.
3. **Бранский В. П.** Искусство и философия. Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи / В. П. Бранский. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – 704 с.

**Праздники в стиле барокко: «веселящийся» Петербург
в эпоху императрицы Елизаветы Петровны**

4. **Вдовина С. И.** Елизавета Петровна. Дочь Петра / С. И. Вдовина // На Российском престоле. XVIII век. – М. : Интерпракс, 1993. – С. 203–280.
5. **Дуков Е. В.** Бал в культуре России XVIII – первой половины XIX века / Е. В. Дуков // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – С. 173–210.
6. **Захарова О. Ю.** Светские церемонии в России XVII – начала XX в. / О. Ю. Захарова. – М. : Центрполиграф, 2001. – 329 с.
7. **Зелов Д. Д.** Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы) / Д. Ю. Зелов. – М. : Едиториал: УРСС, 2002. – 304 с.
8. **Кирсанова Р. М.** Русский костюм и быт XVIII – XIX веков / Р. М. Кирсанова. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2002. – 224 с.
9. **Ключевский В. О.** Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В. О. Ключевский. – М. : Правда, 1999. – 624 с.
10. **Культурология. XX век: Энцикл.** – СПб. : Ун-тская кн., 1998. – 624 с.
11. **Лихачев Д. С.** Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев. – СПб. : Наука, 1991. – 371 с.
12. **Лихачева О. О.** Юбилей Санкт-Петербурга 16 мая 1803 г / О. О. Лихачева // Российская культура глазами молодых ученых. – СПб., 1994. – Вып. 3. – С. 59–74.
13. **Парчевский Г. Ф.** Карты и картежники: Панорама столичной жизни / Г. Ф. Парчевский. – СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 1998. – 256 с.
14. **Пыляев М. И.** Забытое прошлое окрестностей Петербурга / М. И. Пыляев. – СПб. : Паритет, 2002. – 528 с.
15. **Романов П. В.** Застольная история государства Российского / П. В. Романов. – СПб. : Кристалл, 2000. – 576 с.
16. **Русская старина: путеводитель по XVIII веку** / Авт.-сост. А. В. Кургатников. – М.: РИК «Культура»; СПб. : Лик, 1996. – 388 с.
17. **Сариева Е. А.** Фейерверки в России XVIII века / Е. А. Сариева // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – С.88–98.
18. **Сиповская Н. В.** Обеды «к случаю»: настольные украшения XVIII века / Н. В. Сиповская // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. – СПб., 2000. – С. 153–172.
19. **Фукс Э.** Иллюстрированная история нравов: Галантный век: пер. с нем. / Э. Фукс. – М. : ТЕРРА : Республика, 1996. – 480 с.
20. **Шерих Д. Ю.** Петербург. 300 лет день за днем / Д. Ю. Шерих. – М. : Центрполиграф, 2003. – 412 с.